

Радеев Артем Евгеньевич

ПОВОРОТ К БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЭСТЕТИКЕ

В статье анализируются некоторые концепции "возвращения к Большой теории" и определяются их ключевые особенности. Для этого рассматривается, какие аргументы против Большой теории выдвигались ее противниками, а также определяется, какие объяснения поворота к Большой теории предлагают его адепты и какие черты этого поворота можно выделить. В конце статьи автор делает вывод относительно возможностей существования Большой теории в эстетике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 175-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. Дацьшен В. Г. Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.) // Япония: ежегодник. 2014. № 43. С. 192-209.
13. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922): дисс. ... д.и.н. Кемерово, 2005. 476 с.
14. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 192 с.
15. Руднев С. П. При вечерних огнях: воспоминания. Харбин: Типография «Заря», 1928. 467 с.
16. Савченко С. Н. Примирие Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и атамана Г. М. Семёнова весной 1919 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 13-19.
17. Сонин В. Г. Становление Дальневосточной республики (1920-1922). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1990. 347 с.
18. Тригуб Г. Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. 2006. № 1. С. 44-54.
19. Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение. Хабаровск: ХКМ, 2012. 246 с.

FORMATION OF ZEMSTVO STATEHOOD IN PRIMORYE (JANUARY-APRIL, 1920)

Popov Fedor Alekseevich
Kutafin Moscow State Law University
popovf1992@mail.ru

The article is devoted to the process of transforming Primorye regional zemstvo council from the municipal institution into the regional government after the fall of Admiral A. V. Kolchak's regime at the Far East of Russia. The author proposes the periodization of the Primorye statehood and analyzes the first stage of zemstvo council's government activity which lasted from January till April, 1920. The paper identifies political and legal imperfections which lead to the liquidation of the Primorye governmental institution.

Key words and phrases: nation-building; Far East of Russia; civil war; socialism; zemstvo; local self-government; socialist revolutionaries.

УДК 18+167.7

Философские науки

В статье анализируются некоторые концепции «возвращения к Большой теории» и определяются их ключевые особенности. Для этого рассматриваются, какие аргументы против Большой теории выдвигались ее противниками, а также определяется, какие объяснения поворота к Большой теории предлагают его адепты и какие черты этого поворота можно выделить. В конце статьи автор делает вывод относительно возможностей существования Большой теории в эстетике.

Ключевые слова и фразы: большая теория; Ч. Р. Миллс; М. Ямпольский; К. Скиннер; эстетическая теория.

Радеев Артем Евгеньевич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
artem_radeew@mail.ru

ПОВОРОТ К БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЭСТЕТИКЕ

Постановка проблемы

Более полувека назад американский социолог Ч. Р. Миллс ввел понятие Большой теории (в русском переводе иногда этот термин дается как «Высокая теория»), чтобы обозначить тот разрыв, который существует в гуманитарных науках между спекулятивными теориями и конкретными исследовательскими практиками. Нельзя сказать, что споры о том, насколько возможна и необходима Большая теория как обобщающая теория человека и общества, не велись прежде. Скорее, введенное Миллсом понятие было призвано заново обозначить такие проблемы, как разрыв между теорией, историей и практикой, соотношение целей теории и целей общества, границы применимости теории.

На протяжении XX в. все чаще встречаются утверждения, что эпоха Больших теорий действительно ушла в прошлое, что гуманитарные науки живут во времена «пост-теорий» и что никакие возвращения к идеям, претендующим на тотальность, уже невозможны. Однако в последние годы можно наблюдать и обратную тенденцию – призывы или, по крайней мере, упования на поворот и возвращение к Большой теории. Этот поворот совершается постепенно, в разных областях гуманитарного знания с разной степенью интенсивности.

В этой работе хотелось бы обратиться к тому, насколько возможен этот поворот в эстетической теории. Эстетика – относительно молодая ветвь философии, но это не мешает тому, чтобы процессы, затрагивающие гуманитарные науки в целом, нашли свое отражение и на ее облике.

Каким бы многообразным ни казалось поле современной эстетики, нельзя не признать двух противоречивых тенденций, разыгрываемых на этом поле. С одной стороны, все больше набирают обороты исторические исследования в форме переосмысления какой-либо классической проблемы или же в форме прослеживания

в современной теории историко-эстетических коннотаций. С точки зрения этой тенденции претензия на теоретическое исследование выглядит как необоснованное игнорирование достижений того или иного представителя эстетики прошлого. С другой стороны, все с большей силой происходит активное проникновение в эстетическое поле новых методов, претендующих на открытие заново самой эстетической проблематики. Это могут быть как внутренние для эстетической теории методы (например, прагматическая эстетика Р. Шустермана, проблематика связи политического и эстетического В. Беньямина и Ф. Анкерсмита), так и методы внешние (например, нейроэстетические исследования). К этой же тенденции можно отнести и стремление в современных эстетических исследованиях найти метод, претендующий на примирение предшествующих позиций и предлагающий открытие нового проблемного поля (например, кластерный подход к искусству). И если принять, что гуманитарным наукам в целом свойственен поворот к Большой теории, то именно второй тип эстетических исследований наиболее соответствует этому повороту.

Итак, на основании чего поворот возможен? Что имеется в виду под Большой теорией у ее адептов и критиков? Действительно ли переход от «мелкотемья» и «теорий среднего уровня» к рациональным моделям, претендующим на универсальность, что-либо дает для областей применения этих моделей? Если не однозначно ответить, то, по крайней мере, очертить границы ответа на эти вопросы хотелось бы в данной статье. Для этого, во-первых, будет рассмотрено: какие аргументы против Большой теории выдвигались ее противниками и в чем выражался отказ от Большой теории; во-вторых, определено: какие объяснения поворота к Большой теории предлагают его адепты и какие черты этого поворота можно выделить; в-третьих, предложены выводы относительно возможностей существования Большой теории в эстетике.

Отказ от Большой теории: основные аргументы

В самом простом смысле Большая теория – это претензия на то, существует ли интегративный подход, дающий объяснение социальных и природных процессов. ИмPLICITно в таком представлении о Большой теории содержится представление, что этой теорией может быть объяснено то, что существует, а то, что Большой теорией оказалось не охваченным, не обладает статусом существования.

Сам Миллс относил к такой теории социологию Т. Парсонса, в философии же такими интегративными теориями наиболее ярко о себе заявили идеи Канта, Гегеля и неокантианцев: все они подразумевали, что возможно создать систематическое здание, охватывающее все многообразие отдельных наук, а философия в этом случае выполняет критическую и основополагающую роль. Такая претензия на всеохватность не могла не вызывать зачарованности: казалось бы, необходимо лишь уточнить детали общего здания (поскольку контур уже очерчен), и все существующее найдет свое законное место в общей системе знаний и наук. В этом случае в понятии Большой теории уделяется внимание ее рациональной тотальности, а очарование этой машиной рациональности составляет необходимое ее экзистенциальное измерение.

Как известно, со временем происходит разочарование в возможностях Большой теории. Миллс в своей уничижительной критике Большой теории отмечает невозможность ее отношения к практике: «Главный признак “Высокой теории” заключается в исходной ориентации на столь общий уровень рассуждений, что снизить до наблюдений становится логически невозможным. Оставаясь в рамках “Высокой теории”, ее последователи никак не могут спуститься с высот своих генерализаций и рассмотреть конкретные проблемы в их историческом и структурном контекстах. Из-за неспособности этих ученых видеть подлинные проблемы реальность практически исчезает со страниц их трудов, в результате чего начинает преобладать надуманная и нескончаемая проработка дефиниций, которые не расширяют наше познание и не способствуют лучшему осознанию собственного опыта. Это, в свою очередь, находит выражение в частично организованном отречении от какой-либо попытки дать ясное описание и объяснение поведения человека и общества» [1, с. 45-46].

В философии также происходит отказ от Больших теорий: их обличают за то, что они предлагают «прокрустово ложе» для картины мира, их обвиняют в искусственных метанарративных построениях. «Недоверие к метанарративам» – так звучит известное положение Ж.-Ф. Лиотара, которым можно охарактеризовать отказ от Больших теорий. Само это недоверие подразумевает разные варианты: и признание того, что Большая теория исходит из внеположенности, в то время как за всяким положением лежит какая-либо его обусловленность – историческая, социальная или идеологическая (Лиотар), и утверждение того, что чистых различий, на которых строятся Большие теории, не существует, а вместо них нам даны следы, ускользания от логоса (Деррида), и признание того, что Большие теории строятся на сведениях многообразия к одному принципу, что является ничем иным, как фашизмом в теории (Фуко). Схожие тенденции наблюдаются не только в философии, но и в социальных науках, свидетельством чему являются работы А. Негри и М. Хардта, а также П. Вирно – каждый из них выдвигает понятие масс как альтернативу тотальному целому, на необходимости которого настаивала Большая теория. С этим же процессом отказа от Большой теории связан и проект «пост-теории» Н. Кэрролла и М. Бродуэлла. Все эти концепции объединяет, в конечном счете, представление о репрессивном характере Большой теории.

Поворот к Большой теории: основные черты

Несмотря на резкую критику тотальности, которую произвели гуманитарные науки второй половины XX в., за последние десятилетия можно заметить новую тенденцию. Используя экзистенциальный язык, можно сказать, что со временем произошло не только разочарование в Больших теориях, но и разочарование в этом разочаровании, поскольку оказалось, что «недоверие к метанарративам» приводит зачастую ко вседозволенности, эклектизму, произвольному применению того или иного метода; произошло недоверие к этому недоверию, в результате чего можно наблюдать постепенный запрос на Большую теорию, но на ином, нежели ранее, основании.

Эту тенденцию по возвращению к Большой теории в гуманитарных науках невозможно охарактеризовать однозначно, поскольку она еще не приобрела окончательной формы. Тем не менее, уже можно встретить разные варианты осмысления устойчивых признаков этой тенденции.

Так, М. Ямпольский в работе «Без большой теории?» замечает, что неверно полагать, будто такие современные философы, как С. Жижек, А. Бадью, Ж. Рансьер, Д. Агамбен являют собою самые актуальные тенденции в философии. На смену этим именам уже приходит новое поколение – М. Деланда, И. Богост, «спекулятивные реалисты» (Р. Брессир, Г. Харман и другие) – которое и репрезентирует собою движение в сторону новой теории. Именно работы этих философов позволяют говорить о том, что «мы переживаем замечательный момент возникновения новой глобальной теории» [4, с. 82].

Чем же характеризуется это новое движение в сторону Большой теории? М. Ямпольский полагает, что отличительной чертой этого движения является «прорыв за пределы репрезентативно-символического мышления, за пределы мышления в терминах кодификаций и иерархий» [Там же, с. 69], имея в виду, что по ту сторону репрезентативности современных исследований находится экспрессивность, основанная на неразличии между сознанием и физическими объектами. Большая теория становится, по Ямпольскому, теорией экспрессивности, в которой классические оппозиции теории репрезентации (означающее – означаемое, смысл и выражение, передний и задний планы) заменяются нерепрезентативными моделями. Именно в этой связи можно отметить усиленное внимание к аффекту в современных гуманитарных исследованиях (аффект при этом понимается как нерепрезентативное состояние), возвращение к шизоанализу Делеза-Гваттари (с их апологией множественности), отказ от текста и образа в пользу сетевых конструкций смысла. Каждая из этих теорий является своеобразным кирпичиком в общем здании Большой теории, которая формируется без опоры на центр, доминирующую концепцию, но существует «как коллективный плод большого интеллектуального сообщества» [Там же, с. 83].

Схожие идеи развиваются в работе «Возвращение к Большой теории в гуманитарных науках», вышедшей под редакцией английского историка и философа, основоположника Кембриджской школы истории понятий К. Скиннера. Основная идея книги – в том, что XX в. выдвинул множество сомнений относительно возможностей социальных наук. Целый ряд авторитетных мыслителей (Г.-Г. Гадамер, Л. Витгенштейн, Ж. Деррида, М. Фуко и другие) похоронили надежду на какое-либо теоретическое моделирование; как позднее уточнит свою мысль Скиннер в другой работе, «предыдущее поколение довело до такого радикализма сомнение в возможности интерпретации текстов, что нам уже кажется, что невозможно достичь тех целей интерпретации, которые мы всегда перед собою ставили» [Цит. по: 2]. Однако парадокс этих сомнений в том, что именно они и вносят существенный вклад в возвращение к Большой теории. Это заметно по тому, что каждый из анти-теоретиков стал величайшим теоретиком XX в., создав – вольно или невольно – новые школы и направления. Но, что более существенно, это заметно и по тому, какой эффект от сомнений в теории создается. Скиннер отмечает, что несмотря на то, что XX в. во многом предстает в виде «разных битв титанов: Гадамер спорил с Хайдеггером, Леви-Стросс с Сартром, Кун с Фейерабендом, Дворкин с Хартом, Нозик с Ролзом, Фуко с Деррида, а Хабермас со всеми» [5, р. 19], именно эта многоголосица создает тот интеллектуальный ландшафт, на фоне которого и возникают различные Большие теории. В большей степени, по Скиннеру, это заметно в современной этике и политической философии, где происходит возвращение к нормативизму и утилитаризму – теориям, казалось бы, ушедшим в далекое прошлое.

Идеи Скиннера развивает польский социолог П. Штомпка, утверждая, что «нынешнее возрождение теории сравнимо разве что с золотым периодом классической социологии XIX в.» [3, с. 15], при этом в основе такого возрождения лежит потребность в теории во времена быстрых изменений. Штомпка особо подчеркивает связь между большой теорией и здравым смыслом, что влечет многообразие самих больших теорий: «Здравый смысл будет стимулировать разнообразные теоретические представления и в то же время будет отвергать другие. Поэтому нет и не может быть простой теории, применимой ко всему и приемлемой со всех точек зрения. Многообразие больших теорий неизбежно» [Там же, с. 20], в силу чего большие теории становятся, по сути, прикладными исследованиями: теории *об* обществе становятся теориями *в* обществе, а теоретик посредством своей теории участвует в создании самого общества.

Несложно заметить, что общим между идеями Ямпольского и Скиннера-Штомпки является выявление в современных гуманитарных науках многообразия различных теорий, в том или ином виде претендующих на статус Большой, но сама Большая теория возникает как результат, несводимый к сумме его элементов. Различие же между названными позициями состоит в том, что для Ямпольского поворот к Большой теории связан с качественно иным представлением о теории, в то время как для Скиннера-Штомпки возвращение, скорее, является возрождением некогда бывших Больших теорий.

Большая теория и эстетика

Какой вклад может внести прояснение описанного поворота для развития эстетической теории?

Очевидно, что и в эстетике происходят процессы, описанные Ямпольским и Скиннером, и было бы несложно представить поле современных эстетических исследований в контексте возвращения к понятиям чувственности, «эстетизиса», в контексте переосмысления отношения эстетики и теории познания. О некоторых тенденциях в современной эстетике уже упоминалось в начале этой работы, другие тенденции еще только ждут их подробного раскрытия. Но куда важнее с точки зрения отношения Большой теории и эстетики зафиксировать несколько теоретических следствий, которые, как хотелось бы надеяться, помогут внести ясность в то, каким же образом возможна современная эстетическая теория, если под последней имеется в виду Большая теория.

Первым следствием является переосмысление самого статуса теории в эстетике. Конечно же, в том смысле, в каком можно было бы говорить об эстетической теории во времена Канта или Гегеля, сегодня говорить невозможно именно в силу тех сомнений, которые выдвинула философия XX в. Но это не значит, что такая

теория невозможна – напротив, если и возможна такая теория, то в другом смысле понятия теории. Например, представляется продуктивным подход Ямпольского, предлагающего отказаться от теории как репрезентации в пользу теории как экспрессивности – или, иначе говоря, отказаться от теории, осмысляющей какое-либо явление, в пользу теории, конструирующей это явление. Можно предположить, что эстетическая теория не столько предлагает концептуальный каркас, в который пытается вместить такие ускользающие явления, как чувственность или художественность, сколько создает новые понятия, указывает на новые проблемы, которые сами, в свою очередь, влияют на чувственность и представление о художественности.

Вторым следствием является переосмысление форм заданности в эстетической теории. Мыслители эпохи радикального сомнения, описанные Скиннером, исходили из того, что за всякой данностью (например, данностью сознания или чувственного опыта) находится та или иная форма заданности («эпистемы», культурное *a priori* или же само бытие того, кто мыслит о данности). И конечно же, после эпохи сомнений представлять какую-либо эстетическую теорию так, как если бы за этой теорией не находились какие-либо формы заданности, кажется наивным и необоснованным. Но это не значит, что эстетическая теория обречена на провал. Ибо если подвергается переосмыслению само понятие теории, если сама теория понимается не как объяснительная, а как продуктивная модель, то формы заданности не имеют к ней отношения: эта теория сама производит свою данность. Недоверие к Большой теории строится на том, что нет ничего данного; возвращение к Большой теории строится на том, что нет никакого смысла искать за данным заданное. Например, если и возможна теория эстетического опыта, то не потому, что были учтены все возможные формы заданности этого опыта (исторические условия, в которых эстетический опыт разворачивается, бессознательное исследователя, изучающего эстетический опыт и т.п.), а потому, что эта теория создает понятие эстетического опыта как данности, не задаваясь вопросом о том, что же стоит за этой данностью. Эта теория не обращается к формам заданности именно потому, что само понятие и круг проблем эстетического опыта производятся теоретиком, а для производства вопрос о том, чем задано это производство, является неуместным.

Быть может, возможны и иные следствия из допущения того, что существует прямое отношение между Большой теорией и эстетикой. Возвращение к Большой теории может проходить разными тернистыми путями, но каким бы ни был этот путь, он все же раскрывает новые области для развития эстетики не как набора мнений, а как подлинной теории.

Выводы

Таким образом, о повороте к Большой теории в гуманитарных науках возможно говорить в двух смыслах: во-первых, «поворот» может означать возвращение к некогда господствующим теориям с учетом тех сомнений, которые были выдвинуты теоретиками в XX в.; во-вторых, «поворот» может означать переосмысление самого понятия теории и создание на основании этого нового облика Большой теории. Первому смыслу понятия поворота соответствуют идеи Скиннера-Штомпки, второму – идеи М. Ямпольского.

Оба указанных смысла имеют отношение и к эстетике. И если взять за основу проблематику эстетического опыта, разрабатываемую в современной эстетике, то как минимум два фактора позволяют этой проблематике претендовать на статус Большой теории. Первый фактор – это отказ от объяснения каких-либо границ понимания эстетического опыта в пользу создания новых концептов и соответствующих им проблем, способствующих формированию нового взгляда на этот опыт. Второй фактор – это отказ от поиска того, что стоит за эстетическим опытом (например, психологические и социальные особенности формирования опыта) в пользу его данности и в пользу исследования того, каким же образом эстетический опыт испытывается. Если обобщить сказанное, то можно сказать, что возможны три типа теорий эстетического опыта. Во-первых, это Большие объяснительные теории, для которых определяющим является нахождение какого-либо существенного компонента для эстетического опыта; наиболее часто этими компонентами в истории эстетики выдвигались незаинтересованность (И. Кант), идеальное (Г. В. Ф. Гегель), форма (К. Белл). Во-вторых, это теории какой-либо заданности эстетического опыта (или, как сказал бы М. Фуко, теории, построенные на подозрении относительно эстетического опыта); наиболее известные варианты такой теории – это социальная заданность (Т. Адорно), психическая заданность (Дж. Купчик), культурная заданность (М. С. Каган). В-третьих, это Большие производительные теории, для которых существенным является создание каких-либо концептов, позволяющих иначе рассматривать сам эстетический опыт; наиболее известными вариантами такой теории являются «шизоэстетика» (Ж. Делез – Ф. Гваттари), «реляционная эстетика» (Н. Буррио), «эстетика восприятия» (Б. Наней).

Обозначенный ракурс отношения Большой теории к эстетике далеко не исчерпывается проблематикой эстетического опыта. Сказанное выше возможно соотнести и с другими проблемами в эстетике (например, такими проблемами, как определение искусства, соотношение чувственного и эстетического, статус эстетической оценки) и можно лишь допустить, что понятие о повороте к Большой теории раскроет какие-то иные смыслы в этих проблемах. Как бы то ни было, представление о Большой теории, об отказе от нее и о повороте к ней позволяет иначе взглянуть на ряд проблем в эстетике и тем самым дает еще мощный ресурс для понимания и развития эстетической проблематики.

Список литературы

1. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. 264 с.
2. Пик Д., Раггин М. Введение в Квентина Скиннера: интерпретация в психоанализе и в истории [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/9683> (дата обращения: 10.07.2016).
3. Штомпка П. Много социологий для одного мира («Большая теория» и теоретический плюрализм) // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 13-23.
4. Ямпольский М. Без большой теории? // Новое литературное обозрение. 2011. № 4 (110). С. 59-83.
5. *The Return of Grand Theory in the Human Sciences* / ed. by Q. Skinner. Cambridge University Press, 1985. 224 p.

RETURN TO GRAND THEORY AND ITS RELATION TO AESTHETICS

Radeev Artem Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
artem_radeew@mail.ru

The article analyzes some concepts of "the return to Grand theory" and their key peculiarities are defined. The paper considers which arguments against the Grand theory are made by its adversaries, and also determines which explanations of the return to Grand theory are suggested by its adepts and which features of this return may be highlighted. Finally, the author draws a conclusion about possibilities of existence of Grand theory in aesthetics.

Key words and phrases: Grand Theory; Charles Wright Mills; M. Yampolsky; Q. Skinner; aesthetic theory.

УДК 94(571.1)"1939/1941"

Исторические науки и археология

В статье на основе широкого круга источников рассматривается военно-мобилизационная деятельность военных комиссариатов Сибирского военного округа накануне Великой Отечественной войны. Показываются особенности организации военно-мобилизационной деятельности военных комиссариатов в 1939 – начале 1941 г. Большое внимание уделено проведению призывных и мобилизационных мероприятий, связанных с развертыванием вооруженных сил. Статья представляет интерес для командования воинских частей и соединений Вооруженных Сил РФ, пограничных войск ФСБ России и войск национальной гвардии России.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; Сибирский военный округ; военные комиссариаты; военнообязанные; мобилизация.

Ростов Николай Дмитриевич, д.и.н.

Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова
ndrostov@mail.ru

**ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ
СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

К началу Великой Отечественной войны в состав Сибирского военного округа (СибВО) входили: Алтайский и Красноярский края, Омская, Новосибирская области, Хакасская и Ойротская автономные области. В феврале 1940 г. в состав округа были включены города Ишим, Тюмень и Ялуторовск вместе с районами [25, с. 35]. Военные комиссариаты являлись органами местного военного управления. В соответствии с административным делением они были созданы в краях, областях, автономных республиках, городах и районах Западной Сибири. Непосредственное руководство деятельностью военных комиссариатов осуществляли Генеральный штаб Вооруженных сил и командующий СибВО. Военные комиссариаты работали на правах отделов территориальных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и решали возложенные на них задачи опираясь на повседневную помощь местных партийных, государственных органов и общественных организаций [27, с. 269]. Среди широкого круга задач, возложенных на военные комиссариаты, подготовка и проведение войсковой мобилизации людских и транспортных ресурсов в военное время являлись основными.

На деятельность военных комиссариатов оказывали влияние большой пространственный масштаб сибирских регионов и слабо развитая дорожная инфраструктура. На 1 июля 1941 г. в Омской области имелось 63 района, из них на линии железной дороги находилось только 14 [14, д. 380, л. 70; 15, д. 19, л. 69]. В Новосибирской области в 1941 г. имелось 58 районов и Нарымский округ [10, д. 33, л. 28]. На территории области действовали 93 городских и районных военных комиссариата [17, с. 161]. 15 северных районов находились на далеком расстоянии от областного центра, и живая связь с ними могла поддерживаться только в летнее время. Отдельные населенные пункты находились в 300 км от райцентров [29, д. 111, л. 77]. В Алтайском крае имелось 40 районов, г. Барнаул и Ойротская автономная область [3, д. 114, л. 104]. Площадь Красноярского края составляла 2214 км² и протяженность с севера на юг – 2900 км [30, д. 1, л. 54, 221].

Определенный опыт проведения войсковой мобилизации военные комиссариаты СибВО приобрели в 1939-1940 гг. В этот период в СибВО развертывалось большое число новых соединений и воинских частей. Военные комиссариаты осуществляли подбор военнообязанных запаса и призывников по военно-учетным специальностям, их призыв, мобилизацию и направление на укомплектование новых воинских формирований. Учитывая скрытность проводимых мероприятий, сборно-сдаточные пункты военных комиссариатов развертывались только в период проведения очередных призывов. С мая по август 1939 г. в СибВО были сформированы по штатам военного времени и отправлены в другие военные округа 3 стрелковые дивизии, 3 авиаполка и 2 авиабазы [22, с. 162]. С 15 мая по 1 октября 1939 г. военными комиссариатами СибВО было призвано на мобилизационные сборы 92 498 военнообязанных. При этом треть призванных вместе со своими соединениями убыли из состава округа [20, д. 1641, л. 89, 90, 91]. С 1 сентября 1939 г. в период